

Орлов Александр Анфимович

**Димитрий Донской, или Начало
российского величия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Анфимович О.**
Димитрий Донской, или Начало российского величия / Орлов Александр Анфимович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 99 с.

ISBN 978-5-521-26429-2

ISBN 978-5-521-26429-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

венною ревностію тогдашній Паспырь церкви Кипріянъ увѣщевалъ гражданъ и воинство быть единопутными защитниками вѣры и отечества; съ какимъ пламеннымъ чувствомъ и надѣяніемъ на Всемогущаго Творца укорялъ малодушныхъ. Герои Россійскіе выставлены здѣсь точно тѣ, о коихъ говоритъ Исторія: имена же героевъ Ордынскихъ выдуманы. Чувствую, что мое сочиненіе не можетъ назваться ни полнымъ, ни хорошимъ, ни близкимъ въ духу Поэмъ, сочиненныхъ Ломоносовыми и Херасковыми. Счастливымъ себя почту, ежели мое сочиненіе будетъ посредственнымъ. Я имѣлъ намѣреніе описывать геройскія дѣянія Величайшаго изъ Моуарховъ, Благословеннаго Александра Іго, поразившаго враговъ сильныхъ, возвратившаго миръ Европѣ и лучами доброты своихъ освѣтившаго своихъ подданныхъ; но величіе дѣлъ, многообразіе знаменитыхъ произшествій устрашили меня; ибо дѣла велики; а мое перо слабо. Знаменитые Спихотворцы не осмѣивались описать необыкновенные подвиги и дѣянія, достойныя безсмертія. Громкою лирою должно воспѣть счастье народовъ, пораженіе коварства, уничтоженіе замысловъ, даже не слыханныхъ, возвращеніе мира и тишины, благодарность народовъ и Государей

своему избавишелю. Я испыталъ свои силы надъ симъ сочиненіемъ, и признаюсь, не осмѣлился бы представить его публикѣ, ежели бы не надѣялся особливаго снисхожденія благосклонныхъ читателей и любителей просвѣщенія. Тѣмъ наипаче надѣюсь я благосклоннаго вниманія моихъ соотечественниковъ, что я осмѣлился, хотя слабо, воспѣть дѣянія того, которому нынѣ благодарное общество за свое спасеніе воздвигаетъ памятникъ на помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ поражены непріятельскія силы. Сей памятникъ, воздвигаемый Великому Князю Димитрію Іоанновичу Донскому, будетъ также вѣчнымъ памяникомъ двумъ великимъ Монархамъ въ свѣтѣ. Благословенному Александру Іму и нынѣ благополучно царствующему Самодержцу Всероссійскому **НИКОЛАЮ** Іму. Благословенный Александръ Ій положилъ сему памятнику основаніе; а Всеавгустѣйшій **МОНАРХЪ НИКОЛАЙ** Ій положитъ ему конецъ въ вѣчное себѣ прославленіе.

Александръ Орловъ.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ,
ИЛИ
НАЧАЛО РОССИЙСКАГО ВЕЛИЧІЯ.
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

О вы, сѣдлція Олимпа въ высотѣ,
Богини, сущія въ безсмертной красотѣ,
О Музы! снидите съ Парнасскія вершины
На наши скромныя и мирныя долины,
Прострите свѣтлый ликъ на здѣшніе луга,
И опчески мои украсьте берега,
Гдѣ съ дѣдомъ, ахъ! моимъ, любимцемъ Музъ, природы,
Гуляя, рѣзвясь среди младенческой свободы,
И у шумящаго, прелестнаго ручья
Плѣняшьясь привыкала простой природой я.
На холмы здѣшніе цвѣтушіе придите,
И огонь божественный въ груди моей возжгите.
Подайте сладость мнѣ искуснѣйшихъ устенъ,
Воспѣть усердную Славянскихъ рать племень.
Прострите свѣтлый ликъ, и юными руками
Откройте завѣсу, накрошую вѣками,
На славны подвиги, на доблесть и труды,
На храбрыхъ, презрѣвшихъ для отчѣства бѣды.

Позвольте , Музы , пѣть преславнаго Героя ,
 Который былъ виной Россійскаго покоя ;
 И первый , ополчася , попрясь Татарску власть ,
 Дерзнулъ безъ робости на варваровъ напасть .
 Прострите свѣтлый ликъ . Се ! съ высоты эфирной
 Вашъ вижу , Музы , взоръ и голосъ слышу мирной .
 Вы мнѣ вѣщаете : Изъ нашихъ устъ внемли ,
 И пой Геройскія дѣянья на земли .
 Такъ ! чувство нѣкое во мнѣ воспламенилось ;
 Вашъ вижу взоръ , и мнѣ прошедшее открылось .

Съ Восточной стороны , изъ дальнихъ областей ,
 Гдѣ цѣпи дикихъ горъ лежатъ вокругъ морей ,
 Которыхъ бурныя , ужасныя пучины
 Нашъ поражаютъ взоръ величествомъ карпины ,
 Изъ - за Донскихъ степей , простерши горду длань
 Орда на Полуночь сбиралася на брань
 Несчастья довершить тѣ , злобная , рѣшилась ,
 Россія коими давно ужъ бременилась .
 Похитившій въ Ордѣ власть Ханскую Мамай
 Грозилъ и бунтовалъ Ордынскій въ злобѣ край .
 Въ злодѣйствахъ обуявъ и въ злобѣ закостѣлый ,
 Батмья по слѣдамъ въ Россійскіе предѣлы
 Вступитъ умысливъ вновь Россіянъ для бѣды .
 Сбираетъ спрашныя на грозну брань Орды .
 Въ немъ дерзскій духъ рвался досадою всечасной ,
 Воспомня Бигича въ Рязани рокъ несчастной ,
 Когда у Вожи онъ съ Ордынскимъ войскомъ палъ ,
 И тѣмъ безспіе Ордынцевъ доказалъ .
 Онъ бурей поднялся — подвигъ полки съ собою ,
 Держалъ рукою мечъ , несъ пламенникъ другою .

Деревни пустошилъ и грады пожигалъ,
Цвѣтущія поля въ пустыни обращалъ.

Молва объ ужасахъ военныхъ не молчала,
Угрозы лютыя повсюду разглашала.
Поспѣшно быстрый гласъ повсюду пролетѣлъ,
Смутилъ спокойствіе долинъ и мирныхъ сель.
Какія разсказалъ погибельны затѣи,
Для насъ готовили безбожные злодѣи.
Какія силы въ брань свирѣпство собрало,
И въ мысляхъ умножалъ воителей число.
Смятеніе поднималъ и множилъ безпокойства,
Вездѣ рождалися несчетны неустройства.
Тутъ робость слабая, пріевъ тѣлесный видъ,
Отъ Дона до Москвы стенаючи лепитъ.
Облившись горькими отъ ужаса слезами,
Вездѣ смущаешь всѣхъ такими словами:
«Ступайте жители, оставте города;
«Татарская идетъ несмѣльная орда.
А въроимчивость слѣпая безразсудна,
Въ неосновательныхъ доводахъ неоскудна;
Простерши къ робости стѣнящей ушеса,
И на обманщицу вперивши очеса,
Внимаетъ всѣмъ словамъ, рѣчь каждую подтверждаетъ,
Въ правдивости всего, что слышитъ, утверждаетъ.
Стенаючи, она и день и ночь не спитъ,
На спогнахъ и у врагъ трепещуща сидитъ.
Сбираетъ вокругъ себя толпу мимоходящихъ,
И шужитъ о бѣдахъ, Россіи предстоящихъ,
Манишь къ себѣ людей, и вслѣки вѣсти имъ
Вѣщаетъ языкомъ немолчуща своимъ.

Коснулась вѣспѣ Москвы, гдѣ мрачныя печали
 Сердца гражданъ давно, давно ужѣ снѣдали.
 Отъ ежечасныхъ бѣдъ давно въ столицѣ сей
 Лучъ тихій не сіялъ веселыхъ, мирныхъ дней.
 Веселы клики въ ней давно не раздавались;
 Великой скорбію у всѣхъ сердца снѣдались,
 На лицахъ блѣдныхъ скорбь написана была,
 Мракъ грусти не сходилъ у каждого съ чела.
 И если радости минуши и бывали;
 То тучи горести ихъ скоро покрывали.
 Набѣги частые, грабительства, бѣды
 Являли по Москвѣ печальныя слѣды.
 Но слухомъ новыхъ бѣдъ умножились спенанья;
 Вообразились вѣмъ прошедшія спраданья,
 И ждали оныхъ вновь для пагубы своей.
 Воображалось въ ихъ умахъ, какъ женъ, дѣшей
 Ташары обувъ, у гражданъ опнимали,
 И въ ихъ глазахъ ихъ женъ въ неволю увлекали.
 Смутился снова градъ, и снова возспеналъ,
 Страхъ снова всѣхъ сердца глубоко поражалъ.
 На стогны граждане спекаются толпами,
 И вѣспѣ спшуютъ измученны бѣдами.
 День каждый новыхъ ждуть мучительныхъ вѣстей,
 О крайнихъ бѣдствіяхъ лишь только и рѣчей.
 О томъ всѣхъ рѣчь была, о томъ всѣхъ разговоры,
 Куда во бѣдствіяхъ сокрыты печальны взоры,
 Какъ опчество спасать и жизнь какъ сберегать,
 Какъ кровныхъ, женъ, дѣшей отъ варваръ испоргать.

Въ тѣ дни, плачевны дни и храбрость засыпала,
 И въ руки слабыя оружія не бирала.

Во прахъ и пыли булашный мечъ лежалъ;
Мечъ ржавѣлъ на стѣнѣ и въ прахъ не блисталъ.
Въ собраньяхъ дружескихъ, въ пирахъ и на бесѣдахъ,
Лишь разглагольствуютъ о храбрыхъ только дѣдахъ,
Какъ храбрый Святославъ тѣснилъ войной Козарь,
Какъ опіялъ города и земли у Болгарь,
Владиміръ какъ земли своей преобразилъ,
Безчисленныхъ враговъ былъ всюду побѣдитель.
Какъ важный, счастливый, Великій Мономахъ
Своимъ оружіемъ вселялъ въ Половцевъ страхъ;
И храбрый Александръ съ немногими полками,
Какъ Шведовъ поражалъ надъ Невскими берегами.
Вѣщали о войнѣ, походахъ и борбѣ;
Но ахъ! не мыслили лишь сами о себѣ.

Владѣвшій Россами Димитрій Князь Великій,
Скорбѣлъ, зря бѣдствія отечества шолыки.
Стеналъ, послыша брань отъ грозныхъ Орды;
Мечталися ему грядущія бѣды.
По стогнамъ гѣрода, стенаая сердцею, ходишь,
Спокойствія нигдѣ для сердца не находишь.
Вездѣ болѣзнують, вездѣ народъ унылъ,
Всякъ только о бѣдахъ грядущихъ говорилъ.
Стенанья слышишь женъ, дѣвицъ вездѣ рыданья,
Внимаешь старчески повсюду воздыханья.
Какъ истинный отецъ и день и ночь не спишь,
Въ печали погруженъ, печальный кажетъ видъ.
Въ долинахъ странствуешь, пустыни протекаешь,
Лѣсами темными стенаая пробѣгаешь.

На Сѣверь отъ Москвы стоить дремучій лѣсъ,
Едва онъ измѣримъ видѣнію очесъ.

Въ немъ царствовала тьма, въ немъ мраки обитали,
 И солнечны лучи въ него не досягали.
 Слухъ носился такой, что въ древни времена,
 Славяны въ язычествѣ заблуждши племена,
 Бездушнымъ идоламъ тамъ жертвы приносили;
 Подъ мраками деревъ нечестію служили.
 И вымышленныхъ лишь чрезъ множество чудесъ,
 Невѣжествомъ людей прославился сей лѣсъ.
 Тамъ были въ старину поставлены кумиры,
 Бездушны спатуи, издѣлія сѣкиры;
 И въ чащѣ древъ густыхъ, въ ихъ мрачной густотѣ
 Стояли капища воздвигнуты мечтѣ,
 Бездушный, гдѣ Перунъ, подобье челоука,
 Грозою смертнымъ былъ ужаснѣйшей опъ вѣка.
 Ужасенъ лѣсъ сей былъ — и черенъ и дремучъ,
 Подобенъ густотѣ одѣтыхъ мглою тучъ.
 Когда же истины блестящій лучъ священной
 Блеснулъ надъ сей спраной, во мракъ погруженной;
 Когда въ язычествѣ заблуждшія сердца,
 Узнали сущаго Единого Творца:
 То духи всѣ во адъ на вѣки преселились;
 Какъ громомъ сражены изъ лѣса удалились.
 Исчезли призраки, не стало и чудесъ,
 И сталъ пріятнѣе дремучій, темный лѣсъ.
 Но всё еще и днесъ, какъ спарець долголѣтній,
 Предъ коимъ годы, дни мѣльками скоротечны,
 Онъ дикость нѣкую угрюмую хранишь,
 Насупясь на поля, угрюмъ, дремучъ стоишь.
 Когда подъ небесемъ вѣтръ съ вихрями взыграетъ;
 И нынѣ, кажется, лѣсъ будто завываетъ.
 Лѣсъ съ шумомъ гуль несетъ въ окружныя поля;

Дрожишь подь нимъ стѣня сырая мать земля.
 Какъ будто мрачныя земной упробы чада,
 Тѣ духи изгнанны и днесъ еще изъ ада,
 Внимають стону дровъ и въ мракахъ мучась мнятъ,
 Что лѣсъ зовешь ихъ вонъ опяшь къ себѣ назадъ.

Князь, странствуя, сего вшелъ лѣса въ середину,
 Имѣя грусть себѣ соупницей едину.
 Едина мысль лежитъ на сердцѣ у него,
 Мысль важна — опчества спасенье своего.
 Онъ занятъ только симъ, объ эпомъ только мыслишь,
 Къ спасенію ищешь средствъ и мыслию ихъ числишь.
 Тогда по небесамъ звѣздъ сонмы потекли;
 Часы крылатые ночь темную влекли.
 «О Боже! Димитрій рекъ, колико я спрадаю,
 «Увы! дня свѣтлаго и ночи я не знаю.
 «Пролей, Владыко мой, лучъ утѣшенья мнѣ;
 «Оспрада будетъ ли сей горестной странѣ?
 «Создатель! возвѣсти, бѣды еще какія
 «Должна претерпѣвать несчастная Россія?»
 Такъ рекъ, и токи слезъ вздыхая проливалъ,
 И помощь Божію мольбою призывалъ.

Какъ бы изъ облака ему средь мраковъ ночи,
 Въ заряхъ блестящій храмъ является предъ очи.
 Изъ злата слытые горятъ, какъ жаръ, врапа;
 Алмазовъ, яхонтовъ блещутъ на нихъ черпа.
 Безсмертная рука его сооружала,
 И буквами на немъ златыми начертала:
 Здѣсь храмъ безсмертія! вдругъ слышитъ Димитрій гласъ:
 Въ тебѣ духъ мужества и правды не погасъ.
 Не бойся и вступи. Врата вдругъ растворились,

Небесны красоты чертоговъ внутрь открылись.
 Жемчугомъ , перлами унизанъ сводъ златой ,
 И стѣны чудною украшены рѣзбой.
 По золоту блестятъ тамъ яхонты , топазы ,
 Межъ ними свѣпящся кораллы и алмазы,
 Дѣяніа тамъ всѣхъ написаны людей ,
 Ихъ планы , замыслы и слѣдствіе спрасшей.
 Тамъ каждого видна написана судьбина ;
 Тамъ все начертано , какъ ясная картина.

Средь храма въ свѣтлости сіяющихъ зарей
 Воздвигнутъ былъ престолъ изъ радужныхъ лучей.
 На немъ безсмертіе и правда возсѣдали ,
 И въ книгу вѣчности дѣла людей писали.
 Вѣнцы лавровые лежали передъ нимъ ,
 Награда вѣчная дѣяніямъ людскимъ.
 По правую спрану въ рукахъ съ златой трубою
 Стояла слава тамъ , одѣяна зарёю.
 И съ пасмурнымъ челомъ сѣдое время тамъ ,
 Губитель всѣхъ вещей является очамъ.
 Рукой желѣзною прошедшее спираетъ ,
 И всё , и всё во мракъ забвенья погружаетъ.
 Увы ! и самыя великія дѣла ,
 Которымъ вѣчнаа должна быть похвала ,
 Которымъ надписи на камняхъ и на спали ,
 Казалось , въ вѣчности участіе даровали ,
 Не умолимое ! забвенью предаетъ ,
 И громкія дѣла забудетъ цѣлый свѣтъ !
 И ихъ не оживитъ ужё бышописанье ,
 Забыто всякое ошанется дѣянье.
 «Что съшуешь , скорбишь ? Спрахъ въ сердцѣ испреблай ,
 «Среди несчастія и бѣдъ не унывай.